

УДК 908

АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВНА АНТАЕВА (БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК)

САВЕНКОВА Марина Михайловна,
кандидат искусствоведения, доцент,
Воронежский государственный педагогический университет

АННОТАЦИЯ. В статье исследуются основные события жизни и общественно-полезной деятельности помещицы Воронежского уезда Воронежской губернии Александры Николаевны Антаевой. О ней М. В. Сабашников написал следующее: «На тусклом фоне провинциальной жизни того времени А. Н. Антаева представляла собой весьма заметное явление. Получив по наследству, ещё совсем юной, крохотное имение, заброшенное в глухой степи Воронежской губернии, она поселилась в нем, чтобы полученное образование и недюжинную свою энергию отдать прогрессивному ведению собственного хозяйства и полезной деятельности среди крестьян» [1, с. 167].

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Воронежская губерния, земская деятельница, Александра Антаева.

ALEKSANDRA NIKOLAYEVNA ANTAYEVA (BIOGRAPHICAL ESSAY)

SAVENKOVA M. M.,
Cand. Art Criticism, Docent of the Department of Design,
Voronezh State Pedagogical University

ABSTRACT. The article examines major events in the life and social work of Aleksandra Nikolayevna Antayeva, a landowner of Voronezh district of the Voronezh province. According to M.V. Sabashnikov, "On a dim background of provincial life A.N. Antayeva was a remarkable figure. Having inherited a tiny estate located in a desolate steppe of the Voronezh province, she, still being very young, settled down in order to make use of her education and outstanding energy in progressive running of her own household and efficient work among the peasants".

KEY WORDS: Voronezh province, civil service public figure, Aleksandra Antayeva.

Александра Николаевна Антаева родилась 19 февраля 1861 г. в Воронежской губернии в помещицкой семье среднего достатка.

В 16 лет она окончила 7 классов Мариинской гимназии. Родители были против ее решения уехать учиться на Высшие женские курсы, так как ей не было 18 лет. Чтобы повлиять на родителей, ей пришлось прибегнуть к крайнему средству – голодовке. В 1880 г. А. Н. Антаева поступила на физико-математическое отделение Высших женских курсов в Киеве. Уровень преподавания на курсах был ниже университетского, и диплом не давал возможности по окончании заниматься научной работой. Преподававший на курсах профессор Василий Петрович Ермаков – российский математик и механик, член-корреспондент Петербургской академии наук, сам сын крестьянина, посоветовал ей лучше заняться общественной деятельностью: «Деревня наша так нуждается в культурных честных работников, а Вы, благодаря своему положению землевладелицы, можете многое сделать. К тому же работа кабинетного ученого не удовлетворит Вашу активную натуру». По окончании курсов Антаева решила все-таки добиваться права держать кандидатский экзамен, но получила отказ «за неустановлением такового экзамена для лиц женского пола» [2, л. 5].

В 1887 г. она вынуждена была по семейным обстоятельствам возвратиться в свое имение, где занялась изучением сельского хозяйства и скоро поставила его на прогрессивный уровень. Крестьяне признали её авторитет и начали ей подражать. А. Н. Антаева помогала крестьянам делом и советом, бесплатно лечила людей и скотину, давала

юридические советы, писала для крестьян письма, прошения, жалобы и деловые акты, покупала и возвращала беднякам имущество, назначенное в продажу за неплатеж недоимок, бедным вдовам с детьми обрабатывала землю своими лошадьми, бедным невестам справляла приданое, за сирот и бедняков вносила плату за обучение. Не занимая никакой официальной должности, она вскоре приобрела в своем округе громадное влияние среди крестьян, а в глазах уездных и губернских властей репутацию человека «беспокойного» [1, с. 167].

В сферу деятельности А. Н. Антаевой входило также образование крестьян и их профессиональное обучение. В 1889 г. она без разрешения официальных ведомств открыла у себя в небольшом флигеле школу. Учительницей работала София Васильевна Сперанская, сестра Николая Васильевича Сперанского, домашнего учителя братьев Сабашниковых, привлеченная тем, что школа эта не была ограничена какой-то определенной программой. Школа просуществовала до 1904 г., когда земство выстроило новую школу с участием А. Н. Антаевой и соседней помещицы М. Е. Киселевой в Плясове, ближайшей деревне к Антаевке.

Во время голода в Воронежской губернии в 1891 г. она отдала весь свой урожай двум ближайшим деревням и принимала активное участие в оказании помощи населению. Воронежское губернское земство закупало большие партии хлеба. Распределением хлеба и его раздачей занимались комитеты помощи голодающим уездных земств. В Воронежском уезде возникло несколько попечительств, во главе которых стояли известные общественные деятели: писатель А. И. Эртель, доктор К. К. Соколов, педагог Н. Ф. Бунаков, семья Федяевских. В Антаевке председателем самого крупного в Воронежском уезде попечительства была А. Н. Антаева [2, л. 8].

© Савенкова М.М., 2018

Информация для связи с авторами: savenkova-m@yandex.ru

Весной 1892 г. в Воронеж приехала из Санкт-Петербурга председательница Комитета по развитию кустарных промыслов среди населения С. А. Давыдова для оказания помощи нуждающимся вследствие неурожая, которая заключалась в предоставлении крестьянкам работы, дающей заработок. Исследовательница, писательница, общественный деятель Софья Александровна Давыдова стояла во главе женского профессионального образования в России. С. А. Давыдова приезжала несколько раз в Антаевку, где с целью помочь крестьянкам покупала разные рукоделия: вышитые полотенца, фартуки, рубашки. Под ее влиянием А. Н. Антаева в 1894 г. открыла у себя в имении школу ткачества, в которой крестьянки обучались работе на усовершенствованных станках. Работы крестьянок были посланы на Всероссийскую Нижегородскую выставку 1896 г., и Александра Николаевна получила серебряную медаль за устройство школы [2, л. 9].

Летом 1893 г. в Воронежской губернии вспыхнула холера. А. Н. Антаева добилась присылки к ней в имение эпидемического врача, сама ухаживала за больными – ездила от одного заболевшего к другому, согревала их горячими бутылками, растирала, пила горячим чаем, по выздоровлении дезинфицировала помещения.

После голодных и холерных лет среди крестьян стали появляться мысли о переселении на новые места в Сибирь, они обратились за помощью к А. Н. Антаевой. «Переселение малоземельных на свободные, пустующие земли выдвигалось жизнью как очередная задача внутренней экономической политики. Об этом рассуждали в обществе, писали в прессе, докладывали в земствах. Самолично и стихийно двинулось в Сибирь и само крестьянство, не дожидаясь, пока вопрос будет решен правительством. Правительство же, пассивное и не склонное к новым мероприятиям, не только не содействовало расширению и развитию переселения, но определенно ставило препятствия, видимо, прислушиваясь к помещикам, сетовавшим, что с переселением крестьян они потеряют рабочие руки, необходимые для сельскохозяйственных работ» [1, с. 168].

В такой обстановке А. Н. Антаева задумала организовать переселение в Сибирь значительной группы (до 1000 человек) малоземельных крестьян из Воронежской губернии. Губернатор не дал согласие на переселение на том основании, что в это время переселение на казенные земли Сибири было временно приостановлено, а также мотивируя тем, что не оправившиеся после неурожая крестьяне слишком разорены, чтобы двинуться в путь и устроиться на новых землях.

В феврале 1893 г. Александра Николаевна от лица 190 семей написала письмо на Высочайшее имя с просьбой о разрешении им переселиться на казенные земли. К прошению было приложено заявление А. Н. Антаевой как председательницы Хреновского попечительства о том, что попечительство доставит средства, необходимые для переезда крестьян и их устройства на новом месте. В ноябре 1893 г. высочайшее соизволение на переселение было получено. С. В. Сперанская при посредничестве профессора А. И. Чупрова, видного деятеля земского движения, получила от М. и С. Сабашниковых 10 тысяч рублей на переселение, остальные деньги (2 тысячи), вероятно, предоставила А. Н. Антаева [2, л. 13].

Губернатор Е. А. Куровский, вынужденный согласиться с переселением, сказал ей: «Я очень же-

лаю, чтобы крестьяне, о которых вы так заботитесь, по-своему отблагодарили вас, выгнав из имения». «Ну, что же, – отвечала Александра Николаевна. – Если это будет вызвано исторической необходимостью, я возьму палку и уйду». Пожелание губернатора исполнилось не полностью, после революции имение отобрали, но она осталась жить в усадьбе. А. Н. Антаева ездила в Сибирь выбирать места, а затем сопровождала переселенцев. Не одну тысячу верст проехала она в разных направлениях, прежде чем остановилась на ровном черноземном участке земли, подходящем по климату и почве для воронежских крестьян на реке Алее в Змеиногорском округе. Крестьяне расположились тремя поселками, самый большой из которых был назван Ново-Александровкой или Антаевкой. Из письма чиновника по крестьянским делам К. Федосеева следует, что поселок первоначально был назван Ново-Александровским, но ввиду неудобства одинаковых названий деревень он предложил сельскому сходу избрать для деревни какое-либо другое название, и сход решил назвать деревню «Антаевой» (название существует в наше время) [3, с. 5].

Александра Николаевна переписывалась с крестьянами, навещала их. За организацию такого большого и удачного переселения А. Н. Антаева была выбрана почетным членом переселенческого комитета в Санкт-Петербурге. Ее деятельность была признана образцом отличной организации в переселенческом движении: «Воронежская помещица г. Антаева собственным примером показала, как надо отправлять переселенческие партии и что в пути делать» [4, с. 32].

А. Н. Антаева интересовалась делами уездного и губернского земства. Лишенная законом, как женщина, права быть земским гласным, она тем не менее влияла на принятие решений. Присутствуя на губернских земских собраниях, находилась на хорах зала дворянского собрания. Так как она пользовалась большой известностью, многие губернские гласные во время перерывов приходили к ней, чтобы обменяться мнениями.

В январе 1904 г. началась война с Японией, которую ознаменовал ряд тяжелых неудач. На заседании Воронежской губернской земской управы и исполнительной комиссии обсуждался вопрос, кого поставить во главе Воронежского земского санитарного отряда, отправляемого на фронт. На предложение послать А. Н. Антаеву председатель сказал: «Разве у нас мужчин нет, что мы женщину на войну отправляем?». «Такого мужчины у нас нет», – был ответ [2, л. 20]. Соглашаясь подвергнуться баллотировке, Александра Николаевна заявила: «Если комиссия и губернская земская управа не найдут личности более энергичной и способной для исполнения обязанностей уполномоченного земства Воронежской губернии, то я, конечно, согласна буду поехать на Дальний Восток в качестве уполномоченной. Получать же на свое содержание денег не хочу, т. к. опасаясь, что на щедрое содержание уполномоченных и на формирование врачебных продовольственных отрядов может быть истрачена довольно значительная сумма денег, а на помощь больным и раненым воинам останется очень мало». Избранная уполномоченной Воронежского земского санитарного отряда А. Н. Антаева широко развернула его деятельность на театре войны в Маньчжурии, проявив большую самостоятельность, настойчивость в достижении поставленных отряду целей и большую личную самоотверженность [5, с. 64–65].

Всего было сформировано и отправлено на фронт одиннадцать санитарных поездов от разных губерний, Александра Николаевна была единственной женщиной, занимающей должность уполномоченного. В Москве на Съезде уполномоченных земских отрядов Дмитрий Николаевич Шипов (один из лидеров земского движения конца XIX – начала XX вв.), занимавший должность председателя Московской губернской земской управы, приветствовал её как первую женщину, вошедшую в состав земского собрания равноправным членом. Александра Николаевна возразила, что всё же она не совсем равноправна прочим членам, так как они гласные своих земств, а она нет.

Отряд Воронежского земства был развернут около станции Янтай Китайско-Восточной железной дороги. Этот пункт Александра Николаевна выбрала сама по созвучию его названия со своей фамилией. Всю свою энергию она направила на создание всевозможных удобств раненым. Госпиталь Александры Николаевны был на 125 человек, но в нем постоянно находилось 200–250 больных. В 13 верстах на железнодорожной ветке в угольных копиях, принадлежавших раньше английской компании, в здании больницы А. Н. Антаева открыла второй лазарет, который через некоторое время также был переполнен. Очень остро стоял вопрос об эвакуации больных и раненых из переполненных госпиталей и лазаретов, часто раненых перевозили в товарных вагонах. А. Н. Антаева проявила твердость и отказалась перевозить раненых в вагонах, закопченных угольной пылью: «От такого варварского способа отправки я отказалась и просила прислать санитарный поезд, приспособленный к перевозке больных, а не заставлять сваливать больных на грязный пол, что тут постоянно практикуют», – писала Александра Николаевна в дневнике [5, с. 256]. Благодаря настойчивости Александры Николаевны удалось добиться хорошо оборудованного санитарного поезда, на котором раненые были отправлены в тыл.

Когда начались бои под Ляояном, Воронежский санитарный поезд получил приказ об эвакуации. Эвакуировавшись с госпиталем в Мудкен, Александра Николаевна узнала от китайцев, что на полях после Ляоянского сражения в районе ст. Янтай и Янтайских копей остались раненые, не попавшие в лазарет. На просьбу о посылке туда санитарного отряда А. Н. Антаева получила отказ, так как не было достаточных оснований подвергать людей опасности из-за непроверенных слухов. Она решила отправиться туда пешком одна. «Тогда я заявила, что все могут не ехать, кто признает такой приказ справедливым и законным, а я одна все-таки уйду в Янтай» и до восхода солнца вышла пешком [6, л. 251]. В одиночку она проделала путь 60–65 верст вдоль железной дороги, пришлось перебираться по взорванному железнодорожному мосту через реку Шахэ.

Полковник М. Грулев, командовавший арьегардам, в своей корреспонденции «С театра войны» писал: «Я увидел, что какая-то дама – по-европейски одетая дама – одиноко шла пешком на полуразрушенный железнодорожный мост около ст. Шахэ по направлению к передовым постам японцев. Надо заметить, что пробраться по мосту без настилки и перил по скрученным от действия пироксилина рельсам, с торчащими сверху и снизу частями разрушенных ферм – было бы подвигом, помимо всего прочего. А кроме того и одинокое путешествие по местности, кишашей хунгузами

(маньчжурскими разбойниками), унесшими у нас из-под глаз не одну уже жертву, казалось очень загадочным. Заинтересовавшись этим явлением, я послал офицера узнать, кто эта смелая дама и куда она направляется. Оказалась, что это А. Н. Антаева, уполномоченная Воронежского земства, отправляется на станцию Янтай, где, как ей сказали, осталось несколько человек наших раненых. А так как из всех врачебных пунктов лазарет Воронежского земства последним покинул станцию Янтай, то эти раненые, по словам Антаевой, ложатся упреком на её совесть. И вот она отправляется убедиться в правильности этих слухов. И разве это не истинно геройский подвиг?» [7].

Недалеко от Янтай А. Н. Антаева встретила оренбургских казаков из отряда генерала Грекова, от которых узнала, что близ янтайских копей действительно оставались раненые в поле, но разъезды уральских казаков подобрали их. Удостоверившись лично, что вокруг копий нет ни раненых, ни трупов, А. Н. Антаева отправилась назад, и вечером на вторые сутки вернулась на свой пункт, где уже не надеялись увидеть её живой.

Её мужественный поступок вызывал и восхищение, и недоумение, и раздражение у современников. Не отказывая ей в смелости и даже героизме, осуждали за то, что она ослушалась приказа. Каких раненых предполагала она найти на станции через 8 дней после битвы? Что могла она одна сделать, если бы раненые там действительно оставались? Зная энергичный и деятельный характер Александры Николаевны, можно не сомневаться, что она нашла бы возможность их эвакуировать.

Вскоре, по сведениям А. М. Куликовой, А. Н. Антаева почувствовала, что устала от напряженной работы на фронте, и послала в Воронеж прошение о замене её другим лицом. В своем дневнике А. Н. Антаева приводит другую причину своей отставки. Несогласие с плохой организацией деятельности лазаретов повлияло на её решение уехать. «Помощь раненым тут не организована. Когда бывают большие сражения, то никогда не приезжают вовремя санитарные поезда, и раненых в громадном большинстве перевозят в простых товарных вагонах без всякого приспособления ... их кладут на циновки без подушек, ... им приходится оставаться без пищи и питья. Лазареты всегда спешат ... и тем лишают помощи больных и раненых» [6, л. 251]. 17 сентября 1904 г. она сдала лазарет и выехала в Россию, не дождавшись нового уполномоченного.

1905–1906 гг. в России были очень беспокойными, обострилась политическая борьба. В Воронежском уезде начались поджоги помещичьих усадеб. В 1908 г. несколько десятков крестьян из села Хреновое были арестованы за принадлежность к крестьянскому союзу «лесных братьев». Всех их, а также крестьян села Турова Нижнедевицкого уезда (около 70 человек) судили военным судом. Их обвиняли в богохульстве, в поджогах помещичьих усадеб, в подготовке к вооруженному восстанию. Несмотря на благоприятные отзывы о крестьянах Александры Николаевны и соседних помещиков большинство было приговорено к различным срокам тюремного заключения, а два учителя села Хреновое – к каторжным работам. Жены и родственники арестованных крестьян обратились к А. Н. Антаевой с просьбой помочь им. Александра Николаевна продала лес за три тысячи рублей и пригласила защитников. После поданной А. Н. Ан-

таевой кассационной жалобы в Санкт-Петербург состоялся вторичный разбор дела в г. Острогжске. Все подсудимые были оправданы, кроме двух учителей, приговоренных к двум годам тюрьмы [2, л. 28].

Крестьяне по-своему объясняли успехи в её деятельности. Переселение крестьян в Сибирь, оправдание крестьян, приговоренных к тюремному заключению, казалось им невозможным для обыкновенного человека. Они приписывали это её родственным связям с царской фамилией. Ходили слухи, что она являлась дочерью императора Александра II.

Высшей наградой для неё было видеть подъем экономического благосостояния крестьян ближайших к ней сел и деревень, которому она способствовала своей деятельностью. Крестьяне приобрели часть помещичьих земель, многие выстроили кирпичные избы под железными крышами, приобрели вскладчину веялки, молотилки, косилки. С повышением благосостояния появилось стремление у крестьян к образованию. Имени свое она предполагала завещать крестьянам.

Произошла Октябрьская революция. Был объявлен декрет о национализации земли. Враждебных выступлений против Александры Николаевны со стороны крестьян не было, за исключением не скольких случаев выражения личной неприязни. Анна Михайловна Куликова приводит разговор, свидетельницей которого она была. Шестнадцатилетний парень под влиянием новых идей кричал А. Н. Антаевой: «Еще не зажили у нас кровавые рубцы от побоев, которыми вы нас награждали при крепостном праве». Хотя не только его, но и Александры Николаевны не было тогда ещё на свете. А. Н. Антаевой казалось, что вся её общественная деятельность была напрасна: «Как жаль, что мой тяжелый труд в течение 31 года пропал даром». Крестьян она не осуждала: «Они люди темные, где им скоро разобраться в новых условиях жизни» [2, л. 34].

Волостная комиссия описала имущество у А. Н. Антаевой. Усадьбу и сад отобрали, из пахотной земли отвели надел на три души – Антаеву, Куликову и хромую крестьянку-старушку, жившую у нее. Из всего скота оставили одну корову. Уезжая, председатель комиссии сказал: «Ну, теперь хозяйничайте, как знаете. А, впрочем, коли приедете в волость да попросите, так мы вам, может быть, кое-что и прибавим. «Мне к вам не по пути», – ответила А. Н. Антаева. При малом количестве земли пришлось перейти на интенсивное хозяйство, лошадь приходилось брать у крестьян. А. Н. Антаева, проявляя трудоспособность, неутомимую энергию, нечеловеческую выносливость, сама пахала, сеяла и делала большую часть домашних работ.

В 1929 г. Воронежская губерния вошла в состав Центрально-Черноземной области, в связи с чем переменялся личный состав управления. Новые люди, не знакомые с прошлой деятельностью А. Н. Антаевой, смотрели на неё исключительно как на бывшую помещицу, которую надо ликвидировать. В 1929 г. состоялся над ней суд в зале клуба с. Хреновое, на котором помимо обвинения в неисполнении требований налоговой комиссии, были выдвинуты требования в укрывательстве хлеба, в эксплуатации крестьян, в подстрекательстве к неуплате налогов как неправильно собираемых. На суде А. Н. Антаева сказала: «Судите меня, как хотите. Но вы стараетесь выставить меня врагом народа, вам этого не удастся, все знают, что я всегда была другом народа». На предложение следователя «Вы, как видно из Вашей деятельности, народовол-

ка. Отчего Вы не вступите в нашу партию (коммунистическую)? Многие народовольцы так сделали. Вас в партии очень ценили бы, и Вы могли бы получить большое жалование за руководство в деле сельского хозяйства». Александра Николаевна ответила, что хотя она всю жизнь, подобно народовольцам, боролась с неправдой властей, но делала то самостоятельно, а к партии никакой никогда не принадлежала и принадлежать не желает, так как ставит выше всего свободу личности.

В 1929 г. у А. Н. Антаевой потребовали 100 пудов хлеба сверх уплаченного налога, которые она не могла уплатить. Её вторично судили в народном суде Рождественско-Хавского района Усманского округа. В письме А. М. Куликовой она пишет: «После разбора дела меня этапным порядком отправят в тюрьму, а потом высылка в Соловки или что-либо вроде этого. Не думай, что я удручена. Я готова ко всему. Тут так теперь тяжело жить, что рад будешь в Соловкам» [2, л. 35–37]. Как злостную неплательщицу, её приговорили к двум годам заключения в тюрьме, трем годам высылки в северные губернии, конфискации имущества и увезли в Воронежскую тюрьму. «Клеветите, сажайте меня в тюрьму, ссылайте хоть на Северный полюс!! Совесть моя чиста и покойна. Я всегда была другом народа и всегда буду им» [2, л. 46], – написала в заявлении в народный суд 8 участка Рождественско-Хавского района Усманского округа ЦЧО Александра Николаевна Антаева.

В тюрьме она, проявляя поистине христианское смирение, как могла, облегчала жизнь женщин-арестанток, учила грамоте, писала письма, упавших духом ободряла, читала вслух газеты, учила вышивать по канве на материале, который ей принесла из дома сестра. Арестантки относились к ней с уважением, не допускали делать черную работу, не позволяли в её присутствии произносить ругательных слов. Врач и прокурор предлагали ей некоторые льготы, но она от них отказывалась.

Друзья и знакомые искали способы для её освобождения. В её судьбе принял деятельное участие народоволец Дмитрий Федорович Руднев, знавший А. Н. Антаеву с юности. В 1892 г. А. Н. Антаева посетила Д. Ф. Руднева и его жену А. В. Рудневу с ребенком в Бутырской тюрьме перед отправкой в ссылку. «Здесь же вскоре нас, не имевших в Москве ни родных, ни знакомых навестила, как светлый ангел, Александра Николаевна. Нечего говорить, как радостно было для нас это совершенно неожиданное «немыслимое» явление. Оно, конечно, сохранилось в памяти на всю жизнь», – вспоминал Д. Ф. Руднев. Он обратился с письмом в областной суд: «Энергичная, высокообразованная, глубоко преданная интересам трудящихся, положившая на них всю жизнь свою и все средства свои, она способна при сносной обстановке ещё поработать и для общества, и для своей семьи. Но уже за понесенные ею труды заслуживает необходимый покой, отдых и глубокое уважение, а не тюрьму и угрожающую ссылку» [2, л. 40].

Приговор суда был отменен, дело прекращено, А. Н. Антаева была выпущена из тюрьмы. Вернулась в Антаевку, где ей отдали корову и, частично, домашний скот. Областной прокурор предложил ей за прежние заслуги перед обществом выхлопотать персональную пенсию, которая избавила бы её от необходимости вести хозяйство и претерпевать постоянные неприятности. Александры Николаевны отказалась, говоря, что народных денег брать не

хочет, а будет жить своим трудом, пока только будет в силах (а было ей 69 лет).

Александра Николаевна Антаева сохранила до конца своей жизни, полной трудов и лишений, много энергии как физической, так и духовной. Проявляя страстную решительность в борьбе с любой несправедливостью, не зная покоя, не щадя здоровья, посвятила она свою жизнь делу улучшения жизни и образования крестьян. Вся её подвижническая жизнь является светлым примером беско-

рыстного служения народу. Не сетуя на несправедливое к ней отношение, не желая наград и похвал, терпеливо без ропота перенося превратности судьбы, являет она пример истинно христианской жизни. Александра Николаевна Антаева – человек, выдающийся по уму и характеру, до конца жизни верная своим нравственным принципам, вызывавшая восхищение у своих современников, не оставляет и нас сейчас безучастными к своей личности и судьбе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Сабашников, М. В. Воспоминания [Текст] / М. В. Сабашников. – М. : Книга, 1983.
2. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1345. Оп. 1. Ед. хр. 512.
3. Омелянчук, Б. Сам царь пригласил нас на вольные земли [Текст] / Б. Омелянчук // Хлебороб Алтая. – 2004. – № 4/5.
4. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности: 1–58. – СПб., 1903–1904. – Т. 26.
5. Полнер, Т. И. Общеземская организация на Дальнем Востоке [Текст] / Т. И. Полнер. – Т. 1. – М., 1910.
6. Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. И-20. Оп. 1. Д. 4428.
7. Грулев, М. «С театра войны» [Текст] / М. Грулев // Русские ведомости. – 1904. – № 305.